

Я вижу сон. На обочине дороги, по которой снуют шумные авто, в заросшем бурьяном и прочим разнотравьем дворе, стоит низкая, давно небеленая саманная хижина с подслеповатыми окнами и покосившейся обшарпанной дверью.

Когда-то давно все выглядело по-иному – здесь жили люди, было много света, шумных дней, наполненных ожиданием неизбежного счастья и просто трудами-заботами. Теперь хижина опустела, дети выросли и разъехались кто куда, умер кормилец, осталась только всеми забытая старушка, доживающая дни в этой заброшенной «хатке», с нетопленной печью и провисшим закопченным потолком.

Старушка почти не выходит за дверь, коротая унылые сумерки жизни у окна, когда светло, или за клеенчатым столом при дрожащем язычке свечи, по вечерам. Жизнь прожита, и она смиренно ждет конца, снова погружаясь в воспоминания – яркие, живые отголоски безвозвратно ушедшего прошлого. Нет ни слез, ни сожаления. Лишь воспоминания.

Единственное, что оживляет ее, – мой приход. Я появляюсь в хижине один раз в два-три дня, приношу гостинцы. Ест она мало, но торопливо, то и дело вытирая тряпочкой сухие, морщинистые губы. Мне неловко, оттого что не могу заходить чаще, а она никогда сама не попросит наколоть дров, заменить болтающуюся петлю на двери. Она не спрашивает, когда я приду опять, но в ее выцветших тревожных глазах видны немые вопросы: Приду ли я? Не забуду ли о ней?

Я приду, я не забуду. Даже если жестокая вьюга заметет следы, будет сбивать с ног, а пронизывающий ветер гудеть в проводах. Даже если окажусь далеко, под теплым ласковым солнцем, где шепот зеленых волн убаюкивает, погружает в дремоту и негу, а море приветливо дарит тысячи серебряных улыбок. Даже когда встречу прекрасную незнакомку,

рожденную самим прибоем и своей порывистостью напоминающую горьковскую Мальву*. Я приду.

С трудом отворив ветхую калитку, утопая в чистых, еще не тронутых грязью сугробах, я подойду к скрипящей, приоткрытой двери. Сколько времени прошло? И где та милая старушка в сером платочке, в которой я угадываю черты матери?

Сердце, обожженное ледяным ужасом, замирает, кровь стучит в висках, глаза застывает пелена. Или это за серыми сумерками, подобно голодной рыси крадется воющая ночь?

Я знаю – за этой холодной дверью осталась моя мама, до последней секунды ожидавшая меня и никогда не сетовавшая на судьбу.

Дверь стучит на ветру и из рваного небесного мешка сыплет беспрерывно снег: замечает порог, складывает белое жнивье у низких, промерзших окон. Ужас становится осязаемым, необъятным, превращается в кошмар. Моя нервная система не выдерживает, я просыпаюсь, постепенно прихожу в себя.

Мама, мамочка моя дорогая! Любимый мой человечек! Есть ли на свете слова, поступки способные выразить благодарность за твои теплые заботливые руки, за ночи без сна, за саму жизнь, что ты подарила? Большую ее часть я отдаю суете, пустым мелочам, погоне за теньями, воспринимая твою любовь, как должное. Мой кошмар – чувство вины за невнимание, за время, проведенное не рядом, за глухоту и слепоту к просьбам – всегда будет со мной. Мой крест, укор, осуждение. Какое счастье, когда ты рядом, когда я вижу твою добрую улыбку. Ты достойна лучшего: времени, заботы, сил и самых светлых чувств. Важна любая мелочь, любое участие – любимые конфеты, душевные посиделки, теплое одеяло в холодную ночь.

«Спешите делать добро»**. Это лучшее лекарство от кошмаров.

* *Мальва – героиня одноименного рассказа (1897 г.) великого пролетарского писателя, классика советской литературы Алексея Максимовича Горького (Пешкова) (1868-1936 гг.).*

** «Спешите делать добро» – слова из книги «*Appel aux femmes*» («Призыв к женщинам»), как символ милосердия и доброты, написанной старшим врачом московских тюремных больниц, католическим общественным деятелем Фридрихом Йозефом (Федором Петровичем) Гааза (1780-1853 гг.) и опубликованной в 1897 году посмертно.